

П. П. Толочко²

О ПРОБЛЕМЕ ВНУТРИКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

На Лихачевских чтениях 2009 года я выступил с докладом «Диалог или монолог культур и цивилиза-

² Академик Национальной академии наук Украины, директор Института археологии НАН Украины, доктор исторических наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. 25 книг: «Історична топографія стародавнього Києва» («Историческая топография древнего Киева»), «Древний Киев», «Древнерусский феодальный город», «Історичні портрети» («Исторические портреты»), «Літописи Київської Русі» («Летописи Киевской Руси»), «Володимир Святий — Ярослав Мудрий» («Владимир Святой — Ярослав Мудрый»), «Від Русі до України» («От Руси к Украине»), «Древнерусская народность: воображаемая или реальная» и др.

Председатель Украинского общества охраны памятников истории и культуры, член Академии Европы (Лондон), член-корреспондент Центрального немецкого института археологии, член Международного союза славянской археологии. Лауреат Государственной премии УССР в сфере науки и техники, Государственной премии Украины, премии НАН Украины им. М. С. Грушевского.

ций», в котором пришел к выводу, что на всех этапах истории человечества культурное развитие было похоже на монолог, а если и диалог, то отнюдь не равноправный, а часто и не мирный. Разумеется, это не означало, что не было взаимовлияний и взаимообогащений, но все в конечном счете сводилось к экспансии одной культурной традиции по отношению к другой. В этих столкновениях далеко не всегда выживала объективно более развитая культура, чаще та, носители которой обладали большими военными и людскими ресурсами.

Казалось бы, процессы, характеризующие межкультурные отношения, не должны иметь места во внутрикультурном развитии. Однако, оказывается, что динамическая ситуация и здесь принципиально не отличается от межкультурной. Фактически нигде в мире нет политических сообществ (государств), которые бы представляли собой монокультурные

образования, не отягченные внутренними противоречиями. Чаще всего они состоят из нескольких субкультурных общностей, оспаривающих одна у другой право на высшую истину.

Примеров сказанному в мировой истории немало. Среди них и украинский, демонстрирующий всю противоречивость процессов становления нашей суверенной государственности и национальной общности. Даже и после двадцатилетнего независимого существования говорить о единой духовно-культурной идентичности украинского народа невозможно. Фактически он продолжает быть разделенным на три основных субэтнуса: центрально-северо-украинский, западно-украинский и юго-восточно-украинский¹. Сформировались они исторически и в условиях длительного раздельного существования обрели весьма заметные отличия. Причем не только культурно-исторические, но и ментальные.

Центрально-северо-украинский субэтнос со времен Переяславской Рады (1654) развивался на православной культурной и духовной традиции в тесном единении с этнически родственным русским народом. Историческим мифом для этого региона является героика казацкого прошлого, с которым ассоциируется в народе защита его национальной и вероисповедальной идентичности. Стержневым событием в этой борьбе является Национально-освободительная война украинского народа под водительством Богдана Хмельницкого.

Западно-украинский субэтнос, начало формирования которого положила Брестская уния (1596), был интегрирован в западно-католический цивилизационный мир и вплоть до Второй мировой войны пребывал в составе различных европейских государств: Речи Посполитой, Польши, Австро-Венгрии и др. Содержанием его национально-патриотического мифа является убеждение в своем мессианстве, в исключительных заслугах по сохранению чистоты украинской нации и достижению ее государственной независимости. Одним из главных символов этого мифа является националистическое движение сопротивления времен Второй мировой войны.

Третий субэтнос, проживающий преимущественно на юге и востоке страны, своим образованием в качестве украинского целиком обязан территориальному формированию Украины советского времени. Согласно правительственным декретам в ее состав были включены земли, преимущественно заселенные русскими — Донбасс, Новороссия, Крым. Историческим мифом здесь выступает память об освоении этого края Российской империей в конце XVIII — первой половине XIX века, а также убеждение в том, что он является естественной частью русского мира. Свидетельством того, что он живет в ментальности нынешних насельников региона, является наличие здесь политических партий, в названиях которых присутствует определение «русские», а также движений за восстановление (или сохранение) символов российского имперского прошлого, коими явля-

ются, в частности, памятники Екатерине II, Потемкину, Ришелье и др.

Если сравнивать степень взаимной культурно-исторической близости, то большей она, несомненно, окажется между центрально-украинским и юго-восточно-украинским субэтнсами. И не только потому, что их формирование происходило в сходных исторических условиях, но и потому, что они в большей мере, чем западно-украинский субэтнос, сохранили память о своем едином киеворусском прошлом. Об этом свидетельствуют в том числе и памятники князьям — Святославу, Владимиру Святому, Ярославу Мудрому и другие, установленные в Киеве, Чернигове, Переяславе, Новгороде-Северске, Запорожье, Харькове, Севастополе. Ничего подобного в западноукраинском регионе, конечно, нет. Там глубина исторической памяти не простирается дальше так называемой Галицко-Волынской державы второй половины XIII века и Даниила Галицкого, который именуется не князем, но королем.

Можно было ожидать, что объединенные в собственном и независимом государстве вышеназванные субкультурные образования обнаружат тенденции к консолидации. Но этого не произошло. Принципиально никто не против политической и культурной интеграции, но каждая сторона хотела бы, чтобы свершилась она на основе ее культурных традиций. Это не всегда декларируется, но неизменно присутствует в региональных поведенческих стереотипах.

Наиболее пассионарным является западноукраинский (галицкий) субэтнос, позже других осознавший свою украинскость, но почему-то только себе присвоивший право считаться единственным носителем и выразителем высшей украинской истины. Он знает, что такое украинский патриотизм, какой должна быть Украина, а какой не должна — ни при каких обстоятельствах, куда ей необходимо интегрироваться, на каком языке разговаривать и даже думать. С приходом к власти националистов улицы и площади городов Украины украсились в том числе и лозунгами «Любите Украину», «Я горд, что родился украинцем», «Думай по-украински!»

Не меньшая этнорегиональная агрессивность была внесена и в сферу образования. По существу, за «оранжевое» пятилетие предпринята попытка тотальной замены центральной и восточноукраинской культурно-исторической традиции единой западноукраинской. В качестве более приемлемой альтернативы отрекомендована история Западной Украины, общая с европейскими соседями, что нашло отражение в учебниках истории для средней и высшей школы. Общая история Украины с Россией на всем ее протяжении объявлена не нашей и предана анафеме.

Стоит ли доказывать, что столь агрессивное утверждение своей истины одним из субэтносов невозможно без отрицания таких же истин других. Центрально-северо-украинский субэтнос объявлен русифицированным, а русско-украинский — юго-восточный и вовсе обозван пятой колонной России. Причем родимым грехом обоих западноукраинские этноидеологи считают их приверженность к русской культуре. При этом совершенно не считаются с тем,

¹ В Украине имеются и другие этнокультурные сообщества, но поскольку они принадлежат к иным культурным традициям, их анализ в данной статье не предусмотрен.

что по меньшей мере для 8,5 млн украинских граждан она является родной по рождению, а для остальных русскоязычных — родной по ее созиданию.

По грамматике украинца Мелетия Смотрицкого московские студенты учились вплоть до конца XVIII века. В Ростове Великом жил и творил киевлянин Дмитрий Ростовский (Туптало). В Славяно-греко-латинской академии в Москве в течение XVIII века преподавали около ста профессоров из Киево-Могилянской академии. Киевлянин Феофан Прокопович был идеологом формирования Российской империи, а также инициатором основания Императорской академии наук в Петербурге. Многие выходцы из Украины стали выдающимися русскими музыкантами (М. Березовский, Д. Бортьянский, С. Гулак-Артемовский), художниками (Д. Левицкий, В. Боровиковский, И. Мартос), историками (Д. Бантыш-Каменский, Ю. Венелин, Д. Бодянский), литераторами (Н. Гоголь, В. Короленко). Процесс интеграции украинских интеллектуалов в русскую культуру продолжался и в советское время (Н. Островский, К. Паустовский, И. Козловский, С. Бондарчук и др.).

Следовательно, украинцы имеют все основания утверждать, что являются сотворцами великой русской культуры. Только полной потерей чувства реальности и ответственности перед памятью своих же соотечественников можно объяснить объявление русского языка (и литературы) в Украине иностранным. По существу, в годы правления националистов его вообще лишили прав гражданства, запретив употребление в сфере образования и культуры целым рядом актов исполнительной власти. По своему содержанию они оказались намного более жесткими, чем печально известный Валувевский указ. Его языковые ограничения относились только к общественно-политической литературе, тогда как акты «оранжевой» власти запрещали пользование русским языком в сфере культуры, образования и даже быта.

Конечно, будь русский язык для украинцев чужим, колониально-имперским, как уверяют националисты, в таком тотальном на него наступлении не было бы никакой необходимости. Он ушел бы из суверенной украинской жизни естественным образом. А не происходит этого потому, что для большинства населения страны он такой же родной, как и украинский. И никакие запретительные меры не в состоянии изменить такое его положение.

Поразительно, но борьба с русским языком продолжилась в Украине и борьбой с литературным украинским. Он объявлен этноидеологами не вполне украинским, русифицированным, не выражающим лингвистической полноты западноукраинского и диаспорно-украинского диалектов. Исправлять ситуацию принялись через коренное реформирование правописания, которое было принято еще в советское время и уже поэтому будто бы является не вполне национальным. Заменить его новым не удалось, но внести в литературный язык орфографическую и лексическую неразбериху — вполне получилось. Теперь в Украине фактически два литературных языка: традиционный — центрально-украинский, развив-

шийся на киево-полтавском диалекте, и новый — западноукраинский, основанный на галицком диалекте. Удивительно, но это никого особо и не волнует.

Еще одной сферой субкультурного противостояния является вероисповедальная. Придавать этому явлению слишком большое значение, учитывая секулярность большей части украинского общества, возможно и не следует, однако и абстрагироваться от него тоже нельзя. Со времен Брестской унии на Украине было положено начало не только вероисповедальному, но и цивилизационному разлому, в результате которого жители Западной Украины, исповедовавшие со времен Владимира Святого православие, были обращены в католицизм. Ныне Украинская грекокатолическая церковь, находящаяся в каноническом и административном единстве с римским престолом, из региональной превратилась во всеукраинскую. Ее сакральный центр перенесен из Львова в Киев.

Учитывая историческую соревновательность православия и католицизма, такое стремительное продвижение последнего на традиционную каноническую территорию первого не может не вызывать противоречий в украинском обществе. Тем более что «оранжевыми» этноидеологами подводится под это распространение и научная основа. Она будто бы в большей привлекательности католической веры, демонстрирующей свои преимущества в том числе и экономической успешностью западного мира. Некоторые даже сожалеют, что Владимир Святославич не принял христианство от Рима, а то Украина уже была бы частью западного мира.

К сожалению, вирус регионализации поразил и Украинскую православную церковь, от которой откололись в суверенное время две конфессии. Они не признаны вселенским православием, но агрессивно позиционируют себя как единственно национальные. От высших иерархов этих конфессий нередко можно услышать весьма сомнительные призывы к созданию в независимой Украине единой самостоятельной православной церкви, которую они именуют то национальной, то поместной. Правда, самостоятельность эта понимается ими весьма своеобразно. Только по отношению к Русской православной церкви. А вот быть зависимыми, к примеру, от Константинопольской они не против. И даже предпринимали конкретные шаги в этом направлении. Много на этом поприще потрудился и бывший президент В. А. Ющенко, правда, без особого успеха. Его настойчивые просьбы к Константинопольскому патриарху Варфоломею взять под свой омофор Украинскую православную церковь остались без ответа.

Не удивительно, что в условиях столь конфронтационного противостояния христианские конфессии оказались неспособными ни консолидировать украинское общество, ни предложить ему единые этические нормы общежития и смыслообразующие истины.

В принципе субкультурная соревновательность не должна вызывать особого беспокойства. Это естественный процесс, характерный для всех времен и народов. Но это тогда, когда он не осложняется ад-

министративными предпочтениями, когда власть не подавляет другие субкультуры в угоду одной, по ее мнению, истинно украинской. Так как это имело место в «оранжевое» пятилетие. В таких условиях мирное сосуществование становится невозможным. Ведь за традиционными субкультурными явлениями стоят конкретные сообщества, которые не готовы расстаться со своими ценностями. Жесткая конфронтация между ними неизбежна. Что мы и наблюдаем в нынешней Украине. Объективно процессы, подчиненные исключительно идее монокультурной чистоты украинской жизни, несмотря на, казалось бы, патриотические помыслы их вдохновителей, ведут к ее обеднению и примитивизации. По существу, ослабляют созидательные силы общества, делают его неконкурентоспособным в современном мире.

Имеются ли возможности для консолидации поликультурного украинского общества? На том пути, по которому до сих пор шла независимая Украина, достичь этого практически невозможно. Нужно принципиально иное отношение к историческому прошлому, а равно и к организации общественной жизни страны в настоящем.

Первое, что необходимо сделать, это вернуть украинскому народу историческое достоинство, отобранное у него «оранжевыми» этноидеологами. Он не был народом-жертвой, но полноценным субъектом исторического процесса, в том числе и государственно-политического в России и Советском Союзе. Напомню, что правой рукой императрицы Елизаветы Петровны был украинец Алексей Разумовский. Его брат Кирилл почти два десятилетия возглавлял Петербургскую академию наук. Сын Кирилла Алексей Разумовский стал сенатором и министром образования России. Князь Александр Безбородько занимал должность канцлера в правительстве Павла I и Александра I. Князь В. Кочубей был председателем Государственного Совета и Комитета министров при Николае I... В советское время выходцы с Украины были не только вторыми, но и первыми руководителями страны — Н. С. Хрущев, Л. И. Брежнев.

Как же можно, зная все это, говорить о каком-то колониальном статусе Украины в имперское и советское время? Какая еще колония может похвастаться тем, что ее выходцы становились королями метрополий? Если какая-то часть Украины и была колонией, так это Западная, историю которой сегодня нам ставят в пример.

Чрезвычайно важно также отказаться от культивирования в народе чувства исторической безответственности. Это очень плохая услуга. Ведь, не взяв на себя ответственности ни за одно событие в прошлой истории, общей с другими народами, он не сможет быть ответственным и за то, что происходит в настоящем. По существу, этот комплекс мы испытываем все 20 лет нашей суверенности. В своих нынешних неудачах виним кого угодно, только не себя. И до тех пор, пока мы будем позиционировать себя как народ-жертву, народ-страдалец, народ, который не несет ответственности за прошлое, рассчитывать на успешность в будущем нам не приходится.

И, может быть, самое главное. Нам следует, наконец, понять, что историческое прошлое невозможно рассматривать исключительно через украинскую этническую призму. Поиск украинца в его нынешней культурно-языковой ипостаси в далекой глубине веков — занятие не только научно несостоятельное, но и идеологически небезопасное. Оно как бы выводит украинцев за пределы исторических закономерностей этно- и культурогенеза, ставит их в положение народа избранного, существовавшего всегда.

В заключение следует сказать, что государственно-политическая форма, в которую облеклась Украина после обретения независимости, не отвечает ее субэтнической и субкультурной разноликости. Унитарность в специфической украинской форме, когда центром страны на очередные пять лет становится один из регионов, никогда не решит внутренних противоречий. Мировая практика давно придумала федеративную форму государства — политическую и административно-территориальную, которая одна только и способна сбалансировать региональные и общенациональные интересы.